

ИСТОРИЯ НАУКИ

ЭО, 2009 г., № 1

© С. С. Савоскул

ЭТНОГРАФ КРАСНОЯРСКОГО МУЗЕЯ – Б.О. ДОЛГИХ В 1937–1944 гг.

В предыдущей статье о Б.О. Долгих я писал об его участии в Приполярной переписи 1926–1927 гг. (Савоскул 2004). Поскольку после ее окончания до начала его работы в Красноярском краевом музее (далее – ККМ) прошло целое десятилетие, хочу коротко рассказать об этом периоде в жизни Бориса Осиповича.

После завершения Туруханской статистической экспедиции он поздней осенью 1927 г. возвратился в Москву и продолжил учебу на этнологическом отделении 1-го МГУ. Одним из результатов его работы на Севере стала первая научная публикация, основанная на данных, полученных им на Таймыре (Долгих 1929). Судя по словам молодого этнографа, он подготавливал и ряд других статей, одновременно работал в ЦСУ, составляя по результатам Приполярной переписи "этногр. карту Севера С.С.С.Р., карту оленеводства и карту занятий жителей". По поручению ЦСУ Долгих должен был написать и объяснительную брошюру к этнической карте Севера. Помимо этого он был секретарем студенческого этнографического кружка и активным членом Общества изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока (Орехова 2004: 70–71).

В 1929 г. и учеба (на 3-м курсе), и научная деятельность Бориса Осиповича были прерваны арестом, судом и четырехлетней ссылкой в русское старожильское с. Краснояррово на Лене¹. По утверждению Долгих, его обвиняли в связях с нелегальной троцкистской организацией лишь потому, что с одним из ее членов он снимал комнату (Там же: 71). В Краснояррово он был бухгалтером местного кооператива, а также участвовал в землеустройстве при организации колхоза (КККМ 1942, 2, 50: 1; ФД 42; Вайнштейн 1999: 289). В это же время он попытался устроиться на работу в Киренский комитет Севера, но получил отказ. Долгих написал письмо И.М. Суслову – первому председателю Красноярского краевого комитета Севера, который в то время уже жил в Москве, будучи одним из руководителей центрального аппарата этого комитета, с просьбой помочь ему. К письму приложил план этнографического изучения Киренского округа. В ответном письме на вопрос Суслова о причине его ссылки Борис ответил вполне откровенно (Орехова 2004: 68–73). Обращение к Сулову, с которым он до ареста не раз встречался, не помогло. Однако этнографию Долгих, конечно, не оставил.

В Краснояррово он написал свою первую книгу "Кеты", изданную в Иркутске вскоре после его освобождения из ссылки (КККМ 1942, 2, 50: 2). Видимо, еще в Краснояррово или уже в Иркутске, куда Долгих перебрался после ссылки, он подготовил очерк, основанный на воспоминаниях о поездке во время Приполярной переписи к "Избе Марка" на северо-востоке Таймыра. В 1933 г. очерк был опубликован в иркутском журнале "Будущая Сибирь" (Долгих 1933). Сохранилась и рукопись его большого рассказа "Быль о людях на оленях"², также отразившего таймырские впечатления. Судя по дате, проставленной рукой автора на первом листе, он был написан в том же 1933 г. (ФД 24). Во время своего житья в Иркутске Борис Осипович вначале служил в област-

---

Сергей Сергеевич Савоскул – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН; e-mail: salotop@yandex.ru

ном издательстве секретарем Сибирской советской энциклопедии и одновременно работал в Управлении нархозучета Восточно-Сибирского края по подготовке следующей Приполярной переписи. Из-за отмены последней и свертывания издания Сибирской энциклопедии Борис Осипович перешел в Восточно-Сибирское краеведческое общество, где был вначале его техническим, а потом и ученым секретарем (КККМ 1942, 2, 50: 2). В Иркутске он написал ряд заметок в Сибирскую энциклопедию, составил этнографическую карту Восточно-Сибирского края и карту плотности его населения (Там же).

После нескольких обращений в Комитет Севера при Президиуме ВЦИК Долгих разрешили вернуться в Москву. Однако, узнав о возможности устроиться экономистом в землеустроительную экспедицию, надолго выезжавшую на Таймыр, он решил в Москву пока не ехать, а отправиться на Красноярский север, надеясь продолжить свои исследования. Начиная с 1934 г. Борис Осипович три года проработал в должности экономиста землеустроительных экспедиций – вначале Авамской (на Таймыре), а затем Илимпейской (в Эвенкийском округе). Нужно сказать, что на основе данных, полученных этими экспедициями, работавшими в 1930-е годы по всему Северу СССР, давались рекомендации по социалистическому переустройству жизни населения северных территорий. На Таймыре и в Эвенкии Долгих проводил социально-экономические и отчасти историко-этнографические исследования местного населения – нганасан, долган, эвенков, ессейских якутов. Результаты этой работы, обобщенные в ряде объемных рукописных материалов, предназначались прежде всего органам советской власти окружного и краевого уровней. Одновременно с основной работой экономиста Борис Осипович смог собрать и немало чисто этнографических и фольклорных данных.

Начало работы в Красноярском краевом музее. Подготовка Северной экспедиции. Летом 1937 г. Долгих закончил работу в Илимпейской землеустроительной экспедиции и переехал с женой (в Эвенкийском округе Борису Осиповичу посчастливилось встретить молоденькую учительницу Веру Гордеевну Попову, согласившуюся стать его супругой) в Красноярск. Летом того же года он по договоренности с Красноярским краевым издательством занимался подготовкой к печати сборника нганасанского фольклора, собранного им в 1920–1930-е годы³ (Долгих 1938). Помимо этого он писал статью "Административный и кровный род у народов Крайнего севера Красноярского края" (КККМ 1942, 2, 50: 2). А в сентябре того же 1937 г. его зачислили научным сотрудником в ККМ на должность этнографа – заведующего этнографическим кабинетом (Там же).

Красноярский музей был одним из старейших в Сибири. Открылся он еще в 1889 г. Судя по справке, составленной в августе 1937 г., в музее функционировали три отдела – природы, истории и социалистического строительства. В составе музея имелось несколько кабинетов, в том числе в отделе истории: археологии, этнографии, нумизматики, историко-бытовой, историко-революционный, искусства. Из почти 24 тыс. экспонатов отдела истории в кабинете этнографии было 3,8 тыс. В музее работало более 30 человек, в том числе шесть научных сотрудников (КККМ 1944, 1, 501: 3–6). О научно-исследовательской работе кабинета этнографии в уже упомянутой справке говорилось, что он занят темой "Социально-экономический строй народов севера Красноярского края" (Там же: 4), которая полностью соответствовала и научным интересам Долгих. Но музейная работа не состоит из одних научных занятий. Больших, постоянных забот требовали коллекции. Много времени занимали экспозиционные дела. Сотрудники кабинета участвовали и в массовой политпросветработе. Что касается собственно науки, то, судя по справке о выполнении производственного плана кабинета этнографии, написанной Долгих 15 апреля 1938 г., к этому времени им были составлены этнографическая и языковая карты, завершён этностатистический очерк, подготовлен первый вариант исследовательского очерка "Легенда о маятах". Помимо этого

кабинетом была проведена работа по экспозиции в отделе природы, подходил к концу первый этап инвентаризации кабинета (КККМ 1841, 1, 598: 7–7 об., 9, 12, 14, 15). И все это выполнял Борис Осипович, поскольку кроме него в кабинете была лишь еще одна сотрудница (КККМ 1847, 1, 604: 1, 3–4).

Серьезные задачи ставил Долгих и на перспективу. Судя по составленному им плану на пятилетку (1938–1942 гг.), основной целью кабинета он считал сбор материалов по истории народов Красноярского края, прежде всего северных. Большую значимость этой работы для этнографии в целом он объяснял тем, что некоторые проживающие в крае народы сосредоточены только на его территории и изучение их истории и их общая этнографическая характеристика являются во многом еще не решенной проблемой. Такая масштабная цель требовала "систематического собирания описательного, фольклорного, фотографического материала, составления этнографической и языковой карт и составления библиографического указателя по вопросам этнографии края. В результате этой работы мыслится создание краевых этнографического архива, фототеки и библиографического указателя" (КККМ 1841, 1, 598: 2). Наряду с этой главной задачей ученый считал необходимым произвести "полное научное описание имеющихся этнографических коллекций музея, с целью создания из них основного вещественного фонда по этнографии края" (Там же).

Для выполнения столь обширной программы предполагалось экспедиционное и стационарное изучение северных народов, обработка собранного в "поле", в архивах и библиотеках материала и подготовка на этой основе монографий по отдельным этнографическим проблемам края. Понятно, что, исходя из специфики музейной деятельности, все эти наработки должны были получить отражение в экспозициях музея и в пояснениях к ним для проведения массовой политпросветработы (Там же: 3). Эти замыслы вполне закономерно привели Бориса Осиповича к мысли об организации большой этнографической экспедиции на Север края. Можно думать, что уже подготовка к печати нганасанского фольклорного сборника, связанная с осмыслением историко-этнографической значимости записанных им текстов, послужила толчком к дальнейшему анализу давно интересовавших этнографа проблем этногенеза и в целом древней истории народов Севера. Но он понимал, что имеющихся на тот момент записей фольклора, являющегося одним из главных источников по истории бесписьменных народов, недостаточно. Стало ясно, что важнейшая научная задача, которую следовало решать в ходе будущих экспедиций, – продолжение сбора фольклора северных народов края.

К концу 1937 г. Долгих подготовил план экспедиции этнографического кабинета на 1938 г. (КККМ 1842, 1, 599: 4–5). Главной ее целью он дипломатично назвал сбор материалов о социалистическом переустройстве Севера. И лишь в качестве одной из задач обозначил изучение фольклора, истории и этнографии Севера. А в объяснительной записке к плану, составленной, очевидно, весной 1938 г. (судя по одобрительной резолюции заведующего крайоно⁴ Лисицкого от 9 мая), Борис Осипович писал, что в ходе экспедиции "должен быть собран: дополнительный описательный материал по истории и этнографии народов севера; основной по социалистическому строительству севера и, частично, коллекционный материал для отдела природы Красноярского музея"⁵ (Там же: 6).

При составлении программы экспедиции Долгих в той или иной мере использовал и опыт других исследователей народов Севера, в том числе известного ленинградского этнографа А.А. Попова, совершившего в 1930–1931 гг. поездку к долганам (Попов 1931), а в 1936–1938 гг. экспедицию к нганасанам (КККМ 1842, 1, 599: 1–1 об.). Видимо, они встречались в Красноярске, когда Попов прочел в краевом музее доклад о своей только что завершённой работе на Таймыре (Попов 1940: 249). В чем-то помогли Борису Осиповичу и научные программы Института этнографии АН СССР, который находился тогда в Ленинграде. Перед отправлением на Север Долгих получил от-

туда программы для сбора материала о социалистическом строительстве у народов Севера, а также по системе родства и свойства (КККМ 1850, 1, 607: 7, 13).

Перед тем как окончательно принять решение об организации экспедиции музейное руководство планировало устроить более широкое обсуждение ее программы. Оно состоялась 15 марта на ученом совете музея, на который были приглашены сотрудники ряда красноярских учреждений и преподаватели пединститута. Некоторые из них считали, что программа слишком обширна, другие полагали, что при ее составлении не учтены языковые трудности, которые могут возникнуть у сотрудников экспедиции. По поводу первого замечания этнограф ККМ отметил его справедливость, но все же высказывал надежду на успешное выполнение поставленных задач. Относительно языковых проблем он сказал: "Работая раньше на Севере, я в основном изучил основные языки народностей Севера, а поэтому, руководя этой экспедицией, надеюсь работу провести без особых затруднений" (ГАКК р-795, 1, 46: 5–5 об.).

Кроме основной программы планируемой экспедиции Долгих подготовил и отдельные программы сбора материалов "по социалистическому строительству севера Красноярского края", и "план этнографической работы" (КККМ 1842, 1, 599: 15–18, 24–25). Сохранилась и более обширная (чем "план") программа сбора этнографических материалов в каждой из локальных этнических групп, которые он собирался обследовать (ФД 15). "План этнографической работы" состоял из двух разделов: "работа по сбору фольклора" и "работа по этнографии". В первом Борис Осипович высказал предположение о существовании на огромной территории от Колымы до Енисея эпического цикла "чрезвычайно древнего происхождения". Этот фольклорный материал частично уже был опубликован Г.В. Ксенофонтовым, А.А. Поповым, Г.М. Василевич⁶ и самим Долгих, однако, по его словам, "все это отрывки, не воссоздающие общей картины цикла. В то же время этот эпос имеет огромное значение для создания истории народов севера...". Ученый считал, что "есть все основания предполагать широкое распространение этого... эпоса в восточной части Таймырского н[ационального] о[круга] и северо-восточной части Эвенкийского. Сбор уцелевших сказаний этого эпического цикла, при общем стремлении восстановить его в полном виде и в наиболее древних редакциях, будет составлять основную научно-исследовательскую задачу работы экспедиции по исторической фольклористике". Второй важной (особенно с политической точки зрения) фольклористической целью экспедиции была намечена запись нового советского фольклора (КККМ 1842, 1, 599: 15–16).

В качестве главной этнографической задачи Борис Осипович определил "уточнение родового состава народов севера и транскрипции названий родов, затем намечен сбор преданий о происхождении родов, о соединении групп родов в племена, о переселении родов и племен, об исчезнувших родах и племенах и о социальной и экономической жизни в прошлом". Помимо этой основной задачи предполагалось также изучение номенклатуры родства и пополнение словарей народов Севера (Там же: 17–18).

Целью программы о социалистическом строительстве был сбор материалов для изучения и показа "в экспозициях музея хозяйственного и культурного состояния округов и районов крайнего севера до и после социалистической революции", а также "...показать Ленинско-Сталинскую национальную политику на окраинах нашей социалистической родины" (Там же: 24).

Одновременно с организационной подготовкой экспедиции Долгих занимался предварительной проработкой научных проблем, для разрешения которых и предпринималась поездка на Север. Отчетливое представление об этом дают две его рукописи. В апреле-мае 1938 г. он закончил работу над текстом объемом в 100 страниц общей школьной тетради, названным им "Легенда о маятах. Очерк из истории народов Севера Красноярского края", а в июне написал первый вариант статьи "Есейско-Оленекский узел. Опыт сравнительного анализа фольклора эвенков, северных якутов, так называемых долган⁷ и нганасанов" (120 страниц школьных тетрадей) (ФД 42). Эти ру-

кописи позволяют сказать, что, отправляясь в экспедицию, ученый освоил достижения предшественников и современников, относящиеся к тематике изучаемых им вопросов, проанализировал все имевшиеся у него фактические данные и в итоге определил научные проблемы, которые он собирался решать на основе нового полевого материала. Краткая формулировка этих проблем и отражена в планах этнографической работы предстоящей экспедиции.

Помимо основного научного содержания в рукописях очерков есть любопытные строки, в какой-то мере передающие политико-идеологическую атмосферу конца 1930-х годов и помогающие понять отношение их автора к научно-идеологическим реалиям той поры. Для примера приведу начало очерка "Есейско-Оленекский узел": "Успехи советской этнографии и фольклористики в отношении пополнения наших знаний о фольклоре народов севера поистине огромны.

Несмотря на вредительство, вскрытое в некоторых руководящих этнографических институтах, дезориентировавшее этнографов и тормозившее работу по сбору материалов на местах, за счет создания скороспелых, априорных и антинаучных схем, несмотря на это, повторяем, мы располагаем в настоящее время целым рядом фольклорных материалов, не бывших известными дореволюционной буржуазной науке".

Говоря о вскрытом вредительстве в руководящих этнографических институтах, Долгих, конечно, имел в виду статью А. Арциховского, М. Воеводского, С. Киселева и С. Толстова "О методах вредительства в археологии и этнографии", опубликованную в 1937 г. в журнале "Историк-марксист". При всей одиозности указанной статьи, некоторые современные исследователи находят в ней и вполне рациональную критику установок конца 1920-х – начала 1930-х годов – «"вредительского" отрицания легитимности этнографии и археологии, засилья формационного догматизма...» и пр. (Альмов 2007: 131).

Как видим, наряду с вполне объяснимой демонстрацией официальной позиции Борис Осипович пытается поднять социальный авторитет любимой науки и оградить ее от схоластических посягательств авторов "скороспелых, априорных и антинаучных схем". В отношении последних показательна оценка Долгих работы А.Ф. Анисимова "Родовое общество эвенков (тунгусов)" (Анисимов 1936). Упомянув ее в очерке "Легенда о маятах", он характеризует основное содержание этой книги в качестве "социологизирующих схем", не основанных на полноценном фактическом материале.

В середине 1938 г. Борису Осиповичу все же удалось организовать небольшую экспедицию из трех сотрудников. Характерно, что начальником экспедиции был назначен не ее инициатор, имевший большой опыт полевой работы на Севере, однако беспартийный и к тому же еще в недавнем прошлом осужденный по политическим мотивам, а 25-летний научный сотрудник музея, комсомолец Марк Сергеевич Струлев. Приказ об этом был подписан и.о. директора музея З.Н. Глусской чуть ли не в день отъезда экспедиции⁸ (ККМ 1842, 1, 599: 33). Но это назначение, кажется, не испортило взаимоотношений между сотрудниками экспедиционного отряда, в который помимо Долгих и Струлева вошел фотограф И.И. Балув (Там же: 29, 31, 33). Официальная должность Бориса Осиповича в экспедиции – этнограф, который, согласно составленной в музее инструкции, "ведет работу по сбору фольклорного и этнографического материала, он же ведет дневник экспедиции и хранит коллекции и экспонаты" (Там же: 31). Основной обязанностью молодого начальника экспедиции помимо общего руководства ею являлся сбор материалов о социалистических преобразованиях на Севере. Таким образом, Долгих хотя бы на время экспедиции был избавлен от выполнения этого идеологического задания, которому столь большое значение придавали как краевые власти, так и руководство центральных этнографических учреждений. Последнее очевидно уже из присылки Институтом этнографии специальной программы, о чем уже упоминалось, а также из последующих официальных обращений к Борису Осиповичу после его возвращения из экспедиции, о чем речь

пойдет ниже. О большой социально-политической значимости, придаваемой экспедиции краевым руководством, свидетельствует письмо Красноярского крайкома партии Таймырскому и Эвенкийскому окружкам, всем райкомам Енисейского Севера, а также политотделу Красноярского территориального управления Северного морского пути (КККМ 1842, 1, 604: 336).

Северная экспедиция. В середине июля 1938 г. экспедиционный отряд выехал на пароходе из Красноярска, а уже 17 июля (Отчет: 2) его сотрудники прибыли в Игарку – молодой заполярный город, центр по переработке и экспорту древесины, выросший в годы первых пятилеток. В его строительстве широко использовался труд заключенных и ссыльных, но этой теневой стороне его рождения, конечно, не нашлось места в материалах, собранных сотрудниками Красноярского музея, хотя не знать о ней они, конечно, не могли. За две недели работы было собрано немало (около 200 листов) материалов о городе и районе (КККМ 1942, 2, 50: 3 об.; ГАКК 1380, 3, 354: 1) и тем самым была выполнена значительная часть программы по социалистическому строительству на Севере края, в которой обследование Игарки занимало значительное место (КККМ 1942, 1, 599: 24). Намерения же Долгих получить здесь данные по характеристике родового состава кетов и селькупов, населявших окрестности города, оказались почти безуспешными. Из-за летних каникул и отпусков встретить тут представителей этих народов (кроме одного селькупа – служащего пушной конторы) не удалось (Там же: 37а–38; Отчет: 2).

3 августа прибыли в Дудинку – центр Таймырского национального округа, где экспедиция пробыла полмесяца, собирая по преимуществу материалы о социалистических преобразованиях в округе. В их числе интересный снимок, сделанный Балугевым на курсах колхозных кадров – на уроке географии курсанты изучают границы округа – хорошая иллюстрация к истории формирования нового этнополитического сознания народов советского Севера. На фотографиях Балугева представлены и другие приметы перемен в их жизни⁹. А Борис Осипович получил здесь и немало традиционных этнографических материалов, для чего использовал любые встречи с представителями народов Севера – служащими окружных учреждений, слушателями колхозных курсов, работниками торговых и заготовительных организаций. Особенно важными для предстоящей работы у нганасан были полученные в Дудинке сведения об исполнителях фольклора в местах, в которые направлялась экспедиция (КККМ 1842, 1, 599: 38–39; Отчет: 2–4).

20 августа сотрудники отряда перелетели из Дудинки в поселок Кресты. Оттуда на катерах, забрасывавших грузы по р. Дудыпте, добрались до Авама (ныне пос. Усть-Авам) и далее в Волосянку. Неподалеку от нее находилась фактория Летовье, к которой издавна тяготела центральная группа авамских нганасан. Сюда попали в самом конце августа и задержались тут на три недели. Здесь, в частности, были обследованы две "ледовки" – места наземных захоронений нганасан, что позволяло лучше узнать их "культ мертвых" и некоторые связанные с ним религиозные представления (ФД 36). У летовских долган было записано 12 сказок (Там же: 18), по большей части русского происхождения, поскольку многие местные долганы были генетически связаны с русскими затундринскими крестьянами. Для музейных фондов собрали немало предметов нганасанского традиционного быта и религиозных культов. В их числе была приобретена и нганасанская оленья упряжь, которую Долгих использовал для поездки на север в район р. Верхней Таймыры, на летние стойбища нганасан (КККМ 1842, 1, 599: 39 об.; Отчет: 4–5).

Он добирался туда 10 дней и пробыл там с конца сентября до конца октября. Для сбора материалов это время оказалось самым плодотворным за всю экспедицию. Долгих записал тогда 82 текста преданий, легенд и сказок, составивших более 610 машинописных страниц (ФД 34). Чтобы представить, насколько успешной была его собирательская работа у нганасан, проделанная всего за месяц, достаточно сказать, что

Участники Северной экспедиции (слева направо) И.И. Балуев, М.С. Струлев, Б.О. Долгих в окрестностях Дудинки. Фото из личного архива Т.Б. Долговой

А.А. Попов, проработавший у них накануне более года, записал "двенадцать длинных былин и сказок", правда, по-нганасански (Борис Осипович записывал по-русски) с подстрочным переводом на русский язык (Попов 1940: 249).

Как писал Долгих, "нганасаны делят свой фольклор на два вида, которые они называют: ситаби и дюрумэ". При этом "ситаби и есть, собственно говоря, сказка". Борис Осипович записал всего пять ситаби, хотя их у нганасан значительно больше. Но, учитывая ненецкое происхождение ситаби, их запись не была его главной целью (Отчет: 5–5 об.). Основную часть собранного нганасанского фольклорного материала составили дюрумэ, что по-русски дословно переводится как "весть", "слух". «Лучше же всего, – по словам ученого, – дюрумэ характеризуется русским словом "предание"». По его мнению, записанные тексты имеют исключительное значение для всестороннего воссоздания истории нганасан, в том числе их взаимодействия с соседними группами (Там же: 5 об.–6 об.).

В предварительном отчете "этнографа экспедиции" Долгих отметил, что "от беглого ознакомления с нганасанским фольклором остается впечатление, что в основе его лежат предания каких-то эвенкийских аборигенов севера, к которым присоединился несколько позже фольклор разных ненецких племен... Еще позже сюда присоединились кое-какие русские сюжеты, а также были переделаны некоторые старые рассказы. Эта модификация была вызвана, очевидно, изменением самосознания рассказчиков вследствие образования из перечисленных выше элементов самой нганасанской народности. Тогда же, по-видимому, сложились и дюрумэ чисто нганасанского характера" (Там же: 6 об.). Позднее эти гипотезы получили развитие в работах Бориса Осиповича по этногенезу и этнической истории нганасан и других народов Енисейского Севера (Долгих 1952; 1963; 1976).

Запись фольклорных и других текстов шла, как уже отмечалось, по-русски, поскольку почти все мужчины-нганасаны знали русский язык. "Правда, – как писал Долгих, – их русский язык очень своеобразен. В нем очень много старинных и местных слов, оборотов и неправильностей с точки зрения грамматики. Но для знающего эти особенности он является вполне достаточным средством объяснения" (Отчет: 6 об.).

При затруднениях в понимании переходили на общераспространенный тогда на Таймыре якутский язык (Там же: 6 об.–7).

Кроме фольклора в районе р. Верхняя Таймыра было собрано много данных по номенклатуре родства и свойства нганасан, а также составлен словарь из почти 1 тыс. нганасанских слов. Там же два нганасанских шамана – Семен Момде и Хэриптэ Яроцкий – передали для Красноярского музея свои шаманские костюмы и принадлежности, в том числе бубны. При этом они дали подробные пояснения о назначении и названии отдельных предметов, рассказали о шаманской символике и шаманских представлениях. В экспедиционном отчете ученый писал, что "до получения этих двух облачений и бубнов в музеях Союза был только один шаманский костюм нганасанов, вывезенный для Института антропологии и этнографии Академии наук СССР А.А. Поповым в 1937 г." (Там же: 7 об.). К тому же потомки известного по преданиям нганасанского богача Окó (одним из них был шаман Х. Яроцкий) передали музею его красный кафтан, шелковый кушак и парчовую шапку, пожалованные ему в знак признания царскими властями, а также ряд документов первой половины – середины XIX в. (Там же: 7 об.–8). В рукописи "Награждение Окó" Долгих уточняет, что все это передал музею Артя Яроцкий, правнук Окó (ФД 42). Таким образом, завершилась долгая история с этими бумагами (и наградами), о которых Борис Осипович впервые узнал в 1927 г., а в 1935 г. во время работы Авамской землеустроительной экспедиции ему удалось их прочесть.

В начале ноября экспедиция отправилась из Волосянки на юг, к оз. Ессей. Уже 4 ноября были на фактории Камень. Здесь и далее на р. Аякли (уже ближе к середине ноября) по дороге к Ессею записывали данные по номенклатуре родства ессейских якутов. На оз. Ессей приехали 22 ноября и пробыли в его окрестностях почти месяц. Здесь, как и у нганасан, большую часть времени этнограф занимался сбором фольклора, прежде всего исторического. Борис Осипович переводил в уме то, что ему говорили по-якутски, и тут же записывал текст на русском языке. Основное внимание он уделил рассказам, которые ессейские якуты называли "эсторэ" или "кэпсэль", т.е. исторические предания (вести), а также сбору сказок, хотя у них был широко распространен и другой вид устной литературы – "олонко", в основном повторяющий, по предположению ученого, широко известные олонхо южных якутов. По этой причине, а также из-за недостатка времени он записал всего четыре олонко, в то время как исторических преданий (эсторэ) им было зафиксировано 65, из которых 43 собраны в районе оз. Ессей, а остальные от ессейских якутов, живших в Чиринде и в Туре (Отчет: 8 об.).

В отчете Долгих писал: "фольклор ессейских якутов оказался очень богатым по содержанию и так же, как фольклор нганасан, дает, по нашему мнению, ценный материал для установления исторических судеб населения Севера". По его словам, "очень интересными в якутском фольклоре Ессея оказались рассыпанные по отдельным преданиям, особенно в цикле о народе маятов, сведения о формах хозяйственной и общественной жизни древних жителей Ессея, Оленека, Анабара и Попигая" (Там же: 9–9 об.). Наиболее популярным и интересным у ессейских якутов был цикл преданий о героях Урэне, Юнгкэбиле и о маятах – они составили почти половину собранных текстов. По словам исследователя, как и в нганасанских дюрумэ, здесь также фигурируют две враждующие стороны: "Одну из них, имеющую вождем Юнгкэбиля и часто представляющую народ маятов, можно отождествить с героями эпоса нганасанов жителями лесотундры. Другая враждующая сторона во главе с Урэном как бы соответствует нганасанским татуированным эвенкам. Но характерно: на Ессее симпатии творцов преданий часто уже на этой стороне. По всей вероятности этот цикл преданий отражает имевшую место в действительности борьбу между северными и южными эвенкийскими племенами, из которых первые вошли в состав нганасанов, а вторые

Ученики Ессейской школы. Фото И.И. Балужева. Из фондов КККМ

в число ессейских якутов, или остались среди прилегающих к Ессею эвенков Илимпей, верховьев Оленека и т.д." (Там же: 8 об.).

Во второй половине декабря поехали на оз. Чиринда, где были одноименная фактория, школа, перестроенная из церкви, детский сад, т. е. формировался поселок, притягивавший окрестных эвенков и часть кочевывших неподалеку ессейских якутов. Здесь, как и на Ессее, знакомство Долгих – еще со времени работы в Илимпейской землеустроительной экспедиции – с местными людьми, конечно, способствовало сбору нужного материала. За 10 дней пребывания в Чиринде и ее окрестностях (на оз. Томпоко, на стойбищах по рекам Котуй и Котуйкан – уже по дороге в Туру) Борис Осипович записал три десятка эвенкийских фольклорных произведений и около двух десятков якутских, зафиксировал данные по социальной организации, в том числе номенклатуре родства у илимпейских эвенков, и собрал другие этнографические материалы. При этом и в фольклоре, и в терминологии родства и свойства чириндинских эвенков исследователь обнаружил немало общего с ессейскими якутами. В частности, в фольклоре и ессейских якутов, и илимпейских эвенков существует единый цикл преданий, объединяемый героем Урэном, что отличает эту группу эвенков от южной, подкаменно-тунгусской. Различия между ними прослеживались и в других элементах традиционной культуры. На основании полевых данных Долгих выдвинул гипотезу о существовании двух групп эвенков, отличающихся друг от друга традиционной брачной организацией. "Из них ангарско-подкаменно-тунгусская группа будет более архаичной, а илимпейско-нижне-тунгусская – более новой в этом отношении" (Там же: 9 об.).

Интересно, что память о Долгих среди чириндинских эвенков сохранялась и десятилетия спустя, хотя после Северной экспедиции он уже никогда не бывал у них. Так, летом 1966 г. мы с В.В. Карловым около месяца собирали здесь материал для своих дипломных работ. В первые же дни чириндинские старики сказали нам: "Борис был, Туголуков был, теперь вы приехали", поставив нас – начинающих этнографов – в ряд уже известных, авторитетных ученых.

Новый 1939 г. участники экспедиции встретили на р. Котуй. 2 января были уже на оз. Воеволи, откуда перебрались в верховья Кочечумо, при впадении которой в Нижнюю Тунгуску и находится Тура – центр Эвенкийского округа. Туда приехали 6 янва-

ря. Тура с ее более чем 300 жителями была в тогдашней Эвенкии большим поселком. В округе ее превосходил по населению лишь пос. Ногинск (450 человек), возникший на базе графитного рудника и до сих пор живущий сравнительно изолированно от остальной Эвенкии. А в Байките – ныне третьем по величине поселке округа – тогда жило всего 60 человек (КККМ. Ф. врем. хр. Оп. 8. Д. 1. Л. 63–66). В Туре пробыли чуть больше недели. Основное время провели в архиве, где, в частности, нашли дореволюционные (1914 г.) дела ессейской миссионерской часовни. Они представляли большой историко-этнографический интерес, поскольку позволяли проследить исторические сдвиги в естественном движении и миграциях населения Илимпийского р-на Эвенкийского округа, а также окрестностей Хантайского оз. и верховьев Анабара (Отчет: 10–10 об.).

Далее маршрут вел в Байкит, расположенный в среднем течении Подкаменной Тунгуски. По пути у фактории Виви, в устье одноименного правого притока Нижней Тунгуски, а также дальше по пути к Байкиту Долгих записал более 20 фольклорных произведений, характерных для эвенков этого района (Там же: 10 об.). В Байкит прибыли 22 января. Тут было записано еще около десятка эвенкийских преданий и сказок. Здесь, насколько позволял судить такой небольшой фольклорный материал, была уже совсем отличная от северной зона эвенкийского фольклора. По словам ученого, "цикл об Урэне, еще слабо воспроизводившийся на Виви, здесь как будто совсем не известен. Но зато появляются герои Ховако и Оптокон, в деяниях которых есть нечто от цикла об Урэне, но уже в совсем другой трактовке и увязанные с существующими родовыми группами южных эвенков (Челколь и Момочар)" (Там же).

Одной из задач, которую Борис Осипович ставил перед собой при посещении байкитской группы эвенков, было "проверить схему Анисимова" (ФД 15). Речь идет об упоминавшейся книге А.Ф. Анисимова, материал для которой автор собирал в Байкитском р-не. Эта работа являлась одним из образцов широко распространенного в 1930-е годы "укладывания" собранных в "поле" фактов в марксистскую схему (к тому же отнюдь не творчески освоенную) развития первобытно-общинного строя. Поскольку Борис Осипович уже тогда достаточно скептически относился к подобным работам, у него возникло желание проверить анисимовскую схему на месте. О том, что эта проверка укрепила его критическое отношение к названной работе, можно судить по письму Долгих ленинградскому этнографу Н.П. Никульшину – бывшему краеведу Туринской культуры. Это письмо было по существу отзывом на книгу последнего (*Никульшин* 1939), присланную Борису Осиповичу, очевидно, в конце 1939 г. Помимо прочего Долгих с удовлетворением отмечал: "У Вас нет укладывания действительности в схему (что чувствовалось в одной другой работе по эвенкам)..." (Решетов 2004: 76).

Отчет об итогах экспедиции Долгих завершает словами: "В Байките этнографическая работа экспедиции закончилась" (Отчет: 11). Из Байкита, судя по телеграмме Струлева от 30 января, они выехали в тот же день. Поскольку в этой телеграмме он просил прислать деньги в Богучаны (КККМ 1842, 1, 599: 44) (село на Ангаре), а в Красноярск участники экспедиции прибыли не раньше начала марта (Там же: 44а), то можно полагать, что вылет на самолете, о возможности которого Струлев телеграфировал в музей 26 января (Там же: 43), не состоялся, и добираться домой пришлось наземным путем.

Результаты этнографической работы экспедиции Борис Осипович охарактеризовал так: «1) фольклор, в т.ч. 87 нганасанских текстов (415 стр.), 12 долганских (64 стр.), 69 якутских (237 стр.), 69 эвенкийских (94 стр.); 2) материалы по родовому составу (около 80 стр. текста); 3) по номенклатуре родства и свойства нганасанов, якутов и эвенков (всего свыше 1 тыс. записей разных отношений родства и свойства); 4) рисунки 140 меток оленей (тамг) у нганасан по родам; 5) материалы по шаманизму у нганасан – шаманские костюмы, бубны и пр., а также около 15 стр. текста; 6) материалы о награждении

нганасанского богача Окó царскими властями в 1837–1839 гг. – документы, кафтан и пр.; 7) материалы по нганасанскому языку – запись 950 слов с переводом; 8) материалы по нганасанскому "культу мертвых" – около 30 страниц текста и коллекция из 44 предметов; 9) другие полевые материалы, в т.ч. путевой дневник (320 стр.), этнографические заметки (около 70 стр.); 10) различные документы XIX столетия; 11) предметы для этнографической коллекции музея – нганасанская оленья упряжь, шаманские принадлежности долган и пр.» (Отчет: 11 об.–12).

Естественно, значительные по своему объему и качеству фольклорные и этнографические материалы, собранные Долгих в Северной экспедиции, широко использовались им в его дальнейших работах по этнографии народов Енисейского Севера, в специальных фольклорных публикациях. Кстати говоря, Борис Осипович и позднее, работая в Институте этнографии, располагал материалами, собранными во время той экспедиции. Очевидно, что когда-то он сделал копии с большей части сданных им в музей рукописей. Однако некоторых из них – прежде всего полевых дневников – у него не было, о чем можно судить по его письму в Красноярский музей от 10 апреля 1969 г. В нем Долгих просил выписать для себя из этих дневников "то, что относится к собственно этнографии" (ФД 43). Между тем дневников, оригиналы которых хранятся в Красноярском музее, или выписок из них я в Архиве Института этнологии и антропологии РАН не обнаружил. Но удивила меня память Бориса Осиповича – и три десятилетия спустя он помнил, что его полевой дневник (четыре общих тетради) был начат в июле 1938 г., а закончен в феврале следующего года (Там же; ср. *Баташев* 2004: 54).

Предвоенные годы после Северной экспедиции. Северная экспедиция была самой заметной вехой в красноярской жизни Долгих. И дальнейшая его работа во многом была направлена на решение научных проблем, ясно обозначившихся во время той экспедиции. Завершив первичную обработку полевых материалов, ученый приступил к подготовке на их основе новых публикаций, прежде всего фольклорных. В уже упоминавшемся письме Никульшину Борис Осипович пишет, что готовит "сборник исторического фольклорного материала народов севера нашего края, куда войдет до 250–280 текстов, б[ольшей] ч[астью] моих записей, но ок[оло] 40 и других лиц" (*Решетов* 2004: 77). Но затем он отказался от замысла издать исторический фольклор всех народов Красноярского Севера. Реально к печати был подготовлен и в конце марта 1941 г. уже набран в Красноярском издательстве сборник преимущественно исторического фольклора нганасан (дюрумэ). Более подробно Борис Осипович сообщил об этом А.А. Попову, которого – вместе с Г.Н. Прокофьевым – он рекомендовал "Крайиздату" в качестве рецензента (АМАЭ 14, 1, 202: 89 об.). 18 марта 1941 г. Долгих писал Попову: "Мои сказки, которых я сдал в Крайиздат 82 шт. (15–16 авт. листов) сейчас проходят редакцию. Кое-что видно срежут, буду биться за варианты. Сдал я только нганасанский материал, примерно 2/3 имеющегося у меня нганасанского фольклора и 2/5 всего фольклора севера из моего запаса" (Там же). Но, видимо, из-за начавшейся вскоре войны готовящаяся к изданию книга не вышла.

Помимо подготовки фольклорного сборника Борис Осипович занимался разработкой и других научных проблем. Особое внимание он уделял сбору и анализу материалов для написания работы по родоплеменному составу народов Красноярского края – составлению таблиц родов по отдельным этническим группам, нанесению их на карту и пр. (ФД 42). Из цитированного выше письма Попову можно узнать, в каких условиях проходили эти занятия: "я сейчас по вечерам, когда есть время, потихоньку продолжаю свои таблицы. Закончив их, я начну писать описание к ним, составлять карты-схемы расселений и т.д. Гл. обр. эта работа движется в выходные дни" (АМАЭ 14, 1, 202: 90 об.). А в письме Попову от 20 апреля 1941 г. Долгих приводит и полное название своего научного сочинения: "Родовой и племенной состав народов Севера Красноярского края" (Там же: 91 об.). Для подготовки этой работы Борис Осипович собирал и недостающие для нее материалы, особенно о кетах и селькупках Туруханского р-на, в

котором Северная экспедиция не работала. Долгих планировал осуществить поездку туда в июле-сентябре 1941 г. с целью провести у кетов этнографические и фольклорные записи, а также приобрести для музея предметы их традиционной культуры. Осуществить этот план не удалось из-за начавшейся войны (КККМ 1842, 1, 599: 45; 1847, 1, 604: 13, 15, 24; 1850, 1, 607: 23).

Важным этапом работы Бориса Осиповича о традиционной социально-этнической структуре северных народов края, а в известном смысле и итогом всего красноярского периода его научной деятельности стало сделанное им сообщение на эту тему на заседании кабинета Сибири¹⁰ Института этнографии АН СССР 14 января 1941 г. Ленинградские коллеги отметили "большое значение проделанной работы для изучения истории и этнографии народов Крайнего Севера", посоветовали красноярскому этнографу как можно быстрее закончить подготовку материала к печати и высказали пожелание опубликовать их в изданиях Академии наук (КККМ 1850, 1, 607: 39).

Продолжавшаяся полтора месяца (с 7 декабря 1940 г. по 23 января 1941 г.) командировка Долгих в Ленинград и Москву явилась результатом его деловых, правда, до поры в большинстве случаев заочных, отношений с ленинградскими коллегами из Института этнографии АН СССР, Института народов Севера и Музея этнографии народов СССР, начавшихся вскоре после его поступления на работу в ККМ. Особенно большой интерес ленинградских этнографов вызвали результаты Северной экспедиции (Там же: 2–4, 7, 14–18, 21–22, 24, 29–34). Летом 1939 г. Г.Н. Прокофьев – заведующий кабинетом Сибири – пригласил его приехать в сентябре в Ленинград, чтобы помочь сотрудникам "в части дополнения недостающих материалов" (речь шла о современном развитии народов Севера Красноярского края) статей "Долганы", "Кеты", "Нганасаны" и "Энцы" в готовившемся сибирском томе четырехтомного издания "Народы СССР"¹¹. Кроме того, Прокофьев предлагал Долгих сделать доклад о результатах Северной экспедиции (Там же: 25–27 об.). Однако командировка состоялась лишь полтора года спустя.

Сохранилась составленная перед долгожданной поездкой "Программа работы в Ленинграде и Москве". В числе первоочередных задач Борис Осипович наметил: "1. Познакомить институт этнографии АН СССР с этнографическими работами, ведущимися и намеченными в Красноярском музее, и получить по этому вопросу заключение. 2. Познакомиться с работами этнографов центра (институт этнографии АН СССР, НИИ Пед[агогического] института народов Севера, институт истории материальной культуры им. Н.Я. Марра и др.), новейшими теоретическими установками и научными достижениями в области этнографии для перенесения этого опыта в Красноярский музей и использования его в научной работе по этнографии. 3. Установить личный контакт с научными работниками, работающими по вопросам этнографии и истории народностей Сибири" (ФД 15).

Конечно, самым главным итогом командировки красноярского этнографа стало установление им личных отношений с рядом известных отечественных сибиреведов, прежде всего ленинградских, – А.А. Поповым, Г.Н. Прокофьевым, М.А. Сергеевым, А.П. Окладниковым. После возвращения из командировки у Бориса Осиповича началась оживленная переписка с ленинградскими учеными, особенно с Поповым, которому он посылал свои материалы для готовившегося им труда по этнографии нганасан, отправляя фотографии, сделанные Балухевым, договаривался с художником Лекаренко¹² о рисунках для работы ленинградского коллеги. В свою очередь Андрей Александрович делал для Долгих копии документов из миллеровских портфелей, помогал в переводе с нганасанского языка, давал советы по готовившемуся фольклорному сборнику (АМАЭ 14, 1, 202: 87–91 об.).

Что касается контактов Бориса Осиповича во время его командировки с московскими коллегами, то сведений об этом практически не сохранилось. В Москве он, наверняка, посетил МГУ, где, возможно, встретился с прежними преподавателями, в том

числе с В.В. Бунаком. Скорее всего, там же он познакомился со своим ровесником, доцентом МГУ, антропологом Г.Ф. Дебецом, ставшим впоследствии одним из лучших его друзей. Известно, что уже вскоре после командировки (2 марта 1941 г.) он отвечал на его деловое письмо (ФД 42).

Получив высокую оценку своего труда со стороны ведущих этнографов, Долгих еще активнее продолжил занятия любимой наукой. Во время переписки с ленинградскими коллегами у него возникла оригинальная идея, как они могли бы помочь ему в этом деле. 20 апреля 1941 г. он пишет А.А. Попову: "Между прочим, Вы через Ваш институт и институт сам по себе могли бы следующим образом стимулировать мою этнографическую работу: пишите мне или еще лучше просто музею по этнографическим вопросам *официально* (курсив здесь и ниже Б.О. Долгих. – С.С.) и почаще. Тогда, во-первых, будет видно, что кто-то еще занимается этнографией, что то или иное нужно, т.е. будет официально виден интерес к этнографии, а это здесь играет большую роль. Во-вторых, тогда меня будут *обязывать* выполнить то или иное поручение, т.е. я буду, работая по этнографии, выполнять задания, порученные мне для исполнения дирекцией. Мне этот план кажется прямо-таки гениальным" (АМАЭ 14, 1, 202: 91 об.).

Уже само по себе это высказывание свидетельствует о том, что в Красноярске этнографические труды Бориса Осиповича не вызывали особого энтузиазма у властей предрержащих. В рукописи "Этнографические коллекции Красноярского краевого музея" (ФД 24), подготовленной им в начале 1941 г. и, видимо, предназначенной не только для своего музея, но и для Института этнографии, куда она была отправлена, Долгих высказался по этому поводу весьма критично. "Пишущему эти строки, – отмечал он, – с 1937 года не известно ни одного случая проявления внимания к этнографическим вопросам со стороны вышестоящих краевых организаций. Даже экспедиции на север в 1938–39 гг. основной задачей был поставлен сбор материалов по соц[иалистическому] строительству, и если она привезла большие материалы по этнографии, то это скорее рассматривалось как минус, как невыполнение основной задачи экспедиции в целом. До начала 1938 г. в существовавшем тогда в музее отделе Севера были некоторые чисто этнографические экспозиции. Но после критической заметки в местной печати и эти экспозиции были ликвидированы за счет показа Сев[ерного] Мор[ского] Пути, Игарки и других более нужных тем. В самом музее нельзя сказать, что этнография недооценивается. Ей проявляют много внимания и директор¹³, и члены коллектива. Но для оживления и улучшения этнографических работ музея, однако, этого недостаточно. Нужна поддержка как краевых, так и центральных организаций".

Этот пассаж невольно раскрывает характерное противоречие в деятельности не одного поколения советских этнографов. Ведь многие из них были вынуждены постоянно искать компромисс между собственным стремлением заниматься традиционными "академическими" проблемами этнографии и настойчивыми требованиями политического руководства исследовать актуальные вопросы социалистического преобразования общества, особенно связанные с советской национальной политикой. До прихода в ККМ Долгих, будучи экономистом землеустроительных экспедиций, три года именно этим в основном и занимался, но, поступив в музей, видимо, надеялся целиком посвятить себя наиболее интересной для него этнографической работе. И нужно признать, что его надежды в значительной мере оправдались. Впрочем, совершенно отказаться от участия в выполнении злостного социального заказа, диктуемого как местными властями, так и руководством центральных этнографических учреждений, красноярскому, как и любому советскому этнографу, было невозможно. Как известно, и власти, и руководители этнографической науки в деле выполнения этого заказа обычно выступали партнерами. Так было и в данном случае. К примеру, дирекция Государственного музея этнографии, остро нуждавшегося в новейших материалах о хозяйственном и культурном развитии Эвенкийского округа для постоянной выставки в

музейной экспозиции, обратилась в ККМ с просьбой о предоставлении ему некоторых результатов Северной экспедиции. Красноярский музей согласился их прислать, но по техническим причинам задержал их отправление. Тогда руководство ленинградского музея, желая воздействовать на красноярских коллег, обратилось в Красноярский крайком ВКП(б). Отвечая крайкому, тогдашний директор Красноярского музея Струлев (тот самый, который был начальником Северной экспедиции) писал, что "материалы Ленинградскому музею этнографии высланы 10/XII-39 г." (КККМ 1850, 1, 607: 30–32, 35). И через последующую научную карьеру Бориса Осиповича красной нитью проходит это непростое противоречие, которое он постоянно пытался преодолеть, в том числе и путем честного выполнения своего долга перед северными народами.

В довоенный период наряду с составлением сборника исторического фольклора нганасан и исследованием традиционной социальной структуры народов Красноярского Севера Борис Осипович намеревался написать ряд очерков по истории и этнографии северных народов края. Сохранился список очерков задуманной им серии, составленный, скорее всего, не позднее 1939 г. (ФД 43). В нем 15 названий, в том числе два очерка, подготовленные Долгих накануне Северной экспедиции, о которых уже шла речь, и статья "Награждение Окб (К происхождению так называемых долган-нганасанов)", которую он написал в 1939–1940 гг. (Там же: 42). Полагая, что основным этническим субстратом на Таймыре до прихода самодийцев были тунгусские группы (а еще раньше – палеоазиаты), ассимилированные со временем первыми, Борис Осипович рассматривал в этой статье происхождение рода долган-нганасанов от ассимилированного нганасанами "долганина" Окб как последнего звена длительного процесса ассимиляции тунгусов самодийскими племенами. Эта ассимиляция, как правило, заканчивалась адаптацией пришельца одним из родов принимающего народа, то есть нганасан. Но в случае с пришельцем Окб, превратившимся в богача и находившимся под покровительством царских властей и в силу этого не нуждавшимся в защите со стороны нганасан, эта закономерность не проявилась. Однако сохранявшееся еще у нганасан родовое право привело к тому, что потомки богача-долганина получили свое место в родовой структуре нганасан в качестве отдельного рода, не входящего ни в одно из двух нганасанских племен. А поскольку формирование данного рода происходило весьма поздно, то исследователь смог подробно проследить историю этого процесса, используя в том числе и письменные источники, в частности документы, переданные ему в 1938 г. Артемом Яроцким.

Судя по упомянутому списку, Борис Осипович хотел написать еще несколько очерков – о различных эвенкийских группах, о затундринских крестьянах, о миграциях северных народов, об их номенклатуре родства, о топонимике Красноярского Севера и пр., т.е. по проблемам, которые он в той или иной мере исследовал в дальнейшем. Но помимо трех названных рукописных очерков, а также большой статьи "Происхождение нганасанов" (Долгих 1952), других работ, намеченных в упомянутом списке, у него нет.

Годы Великой Отечественной войны (до марта 1944 г.). Войну Борис Осипович встретил временно исполняющим обязанности директора музея. Уже 23 июня 1941 г. он подписал приказ об установлении в связи с военной обстановкой ночных дежурств в музейном здании (КККМ 1881, 1, 638: 3). А в начале ноября из-за временной консервации музея 22 из 30 его сотрудников были уволены. Долгих, освобожденный из-за сильной близорукости от мобилизации в армию, в числе восьми сотрудников был оставлен для работы по сохранению фондов, заведующим которых его назначили еще в июле 1941 г. (Там же: 29). Свертывание экспозиции и основной деятельности музея и его временная консервация были связаны с тем, что в музейном здании, расположенном на набережной Енисея, разместилось (до октября 1944 г. – Там же 2022, 1, 684: 3) эвакуированное Главное управление Северного морского пути (Главсевморпуть). Для хранения музейных фондов было оставлено лишь небольшое помещение.

В письме от апреля 1942 г. бывшему археологу ККМ В.И. Нешумаеву, лечившемуся после ранения на фронте в пермском госпитале, Борис Осипович писал о работе музея, о своих делах и планах: "Экспозиционной работы мы сейчас... не имеем. Но много политпросветработы (временных выставок), а кроме того, мы ведем инвентаризацию фондов. Научной работой я занимаюсь лишь дома. Это меня очень огорчает, но ничего пока не могу поделывать. Тем не менее, моя главная работа о родовом и племенном составе народов Севера Красноярского края движется и принимает все большие размеры... Я, между прочим, тоже подумываю о кандидатских испытаниях. Диссертация у меня будет, но все дело в экзамене. А сейчас мне не хватает времени даже на серьезное чтение и конспектирование, хотя есть и что читать, и что прорабатывать для повышения своей квалификации. Начинаю серьезно задумываться над тем, чтобы по окончании войны переехать в Ленинград хоть на какую-либо полутехническую работу, по специальности, в МАЭ или ИАЭ" (Там же 1851, 1, 608: 2–3).

И как ни удивительно, именно в годы войны судьба помогла Долгих осуществить его профессиональные планы. В начале 1942 г. в один из красноярских госпиталей был эвакуирован тяжело раненный в боях под Москвой народный ополченец, известный этнограф, проф. С.П. Толстов. Он знал, что в местном музее работает его коллега и бывший однокурсник, и попросил медсестру сообщить туда о себе, надеясь, что Долгих не на фронте и сможет навестить его. Борис Осипович сразу же пришел в госпиталь и понял, что Сергею Павловичу, потерявшему много крови и обессиленному долгой дорогой в санитарном поезде, нужно прежде всего хорошее питание. С тех пор он регулярно приносил раненому продукты, которые мог купить только на рынке, продавая для этого вещи, книги и пр. При этом сам Долгих, его жена и больная дочь¹⁴ жили, по рассказу Толстова, навестившего их после выздоровления, в убогой, нищенской комнатке¹⁵ (*Вайнштейн* 1999: 291–292; *Рапопорт, Семенов* 2004: 194–196). И эта встреча определила дальнейшую судьбу красноярского этнографа. Став в конце 1942 г. директором московского академического Института этнографии, Толстов начал настойчиво приглашать Бориса Осиповича в аспирантуру. И в марте 1944 г., после 15-летней жизни в Сибири, Долгих возвратился в Москву¹⁶ (КККМ 1942, 2, 50: 9; ФД 37).

Но мы несколько забежали вперед. Вернемся к жизни нашего героя в Красноярске военных лет. Из планов музея на 1943 г., которыми предполагалось в тот год подготовить к печати книгу Долгих "Роды и племена народностей Севера Средней Сибири" (КККМ 1851, 1, 608: 2–4; 1896, 1, 653: 7), можно заключить, что его основная научная работа продвигалась успешно. Это подтверждают и музейные планы на 1944 г., предусматривавшие экспедицию Долгих в Таймырский округ для завершения сбора материалов к книге (Там же 1896, 1, 653: 11; 2022, 1, 684: 3 об.). Но экспедиция не состоялась из-за поступления Бориса Осиповича в московскую аспирантуру. О его неуклонном стремлении к занятиям этнографией можно судить и по тому, что даже в годы войны Долгих иной раз и в Красноярске удавалось найти представителей северных народов, чтобы еще что-то узнать об их традиционной культуре. Среди бумаг исследователя сохранилось несколько фольклорно-этнографических записей (в том числе рассказ о получении шаманского дара, тексты преданий, данные о родовом составе эвенков Нижней Тунгуски и пр.), сделанных им в 1943 – начале 1944 г. от 20-летнего эвенка Сергея Ильича Чапогера (Мерошко) (ФД 16).

В 1943 г. в сборнике "Проблемы Арктики" вышла большая статья Долгих о русских полярных мореходах XVII в. (*Долгих* 1943; в 1948 г. она была перепечатана в виде приложения к книге А.П. Окладникова – см.: *Долгих* 1948) – тема, на первый взгляд не характерная для его научных интересов. А родилась статья следующим образом. Вместе с Управлением Северного морского пути, занявшим, как уже говорилось, основную часть здания ККМ, в Красноярск был эвакуирован и музей Арктики. Осенью 1941 г. туда были переданы находки, сделанные сотрудниками "Севморпути" с судна "Норд" в

Б.О. Долгих с коллегами из Красноярского краеведческого музея перед отъездом в Москву. 1944 г. Фото из личного архива Т.Б. Долгоруковой

сентябре 1940 г., а также в марте и июне–июле 1941 г. у северо-восточного побережья Таймыра. Изучение этих вещей (более 3 тыс. серебряных монет, металлические орудия, части кремневых ружей, посуда, украшения, остатки одежды и обуви, части судовой оснастки и компаса, шахматные фигуры и пр.) позволило Борису Осиповичу сделать вывод, что они принадлежали русским мореходам начала XVII в., потерпевшим крушение у северо-восточного побережья Таймыра. Направлялись они, видимо, из обжитых районов Русского Севера, а значит, уже обогнули самую северную оконечность Азии – мыс Челюскина. Как писал Долгих, "мы имеем все основания утверждать, что еще до присоединения побережья восточной Сибири к Российскому государству русские мореходы плавали в восточную Сибирь Северным морским путем, огибая Таймыр. Вероятно, многие пункты северного побережья восточной Сибири в это время уже были местом деятельности русских торговых и промышленных людей из северных поморских областей Европейской России" (*Он же* 1948: 153). В первые послевоенные годы таймырские находки и место их обнаружения были еще раз исследованы группой ученых под руководством А.П. Окладникова. При этом, несмотря на ряд новых фактов, на расширение исторического контекста, на некоторые спорные моменты, выявленные в реконструкции Борисом Осиповичем событий, связанных с кораблекрушением и последующей судьбой мореходов, основные его выводы остались в силе (ср.: Исторический памятник: 3–4).

Действительно, может показаться, что эта статья как бы выпадает из типичного ряда трудов Долгих, посвященных в основном северным народам. Но ведь еще во время работы переписчиком на Таймыре он проявлял большой интерес к истории освоения русскими людьми этого сурового края (*Савоскул* 2004: 136, 140), что позднее отразилось в его очерке о поездке к русским крестьянам, жившим на северо-востоке полуострова (*Долгих* 1933). В свете этого появление статьи Бориса Осиповича о русских полярных мореходах также видится вполне закономерным следствием его давнего интереса. К тому же статья, основываясь на объективных данных, доказывала приоритет русских в освоении Северного морского пути и в хорошем смысле была патриотична, т.е. весьма своевременна для военной поры. Добавлю, что к анализу находок на северо-восточном побережье Таймыра Долгих обращался и позднее (*Он же* 1951).

* * *

Время работы Б.О. Долгих в Красноярском краеведческом музее стало важным периодом в его жизненном и творческом пути. К моменту прихода в ККМ Борис Осипович уже немало сделал в науке, но лишь в музее он приобрел статус профессионального этнографа. Хотя за шесть с лишним лет службы в ККМ Долгих опубликовал всего три работы (и "довел" до верстки еще один сборник нганасанского фольклора), накопленный им научный потенциал, воплощенный в уникальном полевом материале, а также в ряде рукописных разработок, явился основой для дальнейших трудов. О значимости полученного им в Сибири научного багажа свидетельствует стремительный взлет, пришедшийся на московский период жизни ученого, когда он стал одним из выдающихся отечественных этнографов и приобрел известность и в мировой этнологической науке.

В Красноярском музее чтят память о бывшем сотруднике. В 2004 г. музей провел международную конференцию "Этносы Сибири: прошлое, настоящее, будущее", посвященную 100-летию со дня его рождения, и на основе ее материалов издал две книги (Этносы 2004). Первую из них открывает раздел "Научное наследие Б.О. Долгих и развитие этнологии", в котором содержится немало новых фактов об ученом и новых оценок его научной деятельности.

Примечания

¹ Характерно, что в автобиографии, составленной при устройстве на работу в ККМ, Долгих про годы ссылки написал уклончиво: "В 1930 г. Общество (по изучению Урала, Сибири и Дальнего Востока. – С.С.) вновь командировало меня для изучения сибирского крестьянства и туземного хозяйства Севера. 1930 и 31 гг. я проработал в колхозах и в системе Интегральной кооперации на севере, попутно изучая вопросы экономики и этнографии" (КККМ, 1942, 2, 50: 1). Вероятно, такая практика "умолчания" была принята в то время, ведь понятно, что скрыть сам факт осуждения и ссылки было невозможно.

² Правда, название это, видимо, позже было зачеркнуто. Вероятно, это было сделано одновременно с авторским рукописным указанием года сочинения рассказа.

³ Нганасанскому фольклору была посвящена и публикация в "Красноярском альманахе" (Долгих 1939).

⁴ С 1935 г. музей находился в подчинении Краевого отдела народного образования – КККМ 1744, 1, 501: 3.

⁵ Позднее он писал, что определение сбора материалов о социалистическом строительстве на Севере в качестве главной задачи экспедиции ККМ было, по существу, навязано ему вышестоящими краевыми организациями (см.: ФД 24).

⁶ Борис Осипович имел в виду следующие публикации: *Ксенофонтов* 1937; Сб. материалов; *Попов* 1934; Долганский фольклор, 1937.

⁷ В определении "так называемых" долган проявилась продолжительная и непростая эволюция взглядов как Б.О. Долгих, так и других отечественных этнографов на идентификацию под этим этнонимом тех или иных групп населения Таймыра – подробнее см.: *Андерсон* 1998: 79–105.

⁸ Сужу по тому, что в Игарку экспедиция прибыла 17 июля (Отчет: 2).

⁹ Впоследствии фотографии И.И. Балуева оказались нужны и сотрудникам Главного управления лагерей. В декабре 1943 г. в музей пришло письмо на бланке Политического отдела Норильского исправительно-трудового лагеря НКВД СССР. Оказывается, к 25-летию комсомола там готовился к печати альбом "Норильский комсомол – фронту", но для него не хватало иллюстративного материала по быту "национального населения Таймырского национального округа, который совершенно необходим для вводной части альбома". Политотдел Норильлага просил прислать пригодные для печати снимки Балуева, сделанные в Северной экспедиции (КККМ 1889, 1, 646: 21–21 об.).

¹⁰ В кабинете Сибири в то время работали В.В. Антропова, Г.Д. Вербов, Н.Д. Дыренкова, С.В. Иванов, Н.А. Липская, С.П. Никульшин, А.А. Попов, Г.Н. Прокофьев (он был заведующим кабинетом), В.Н. Чернецов, В.В. Храмова (ПФАРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 3. Л. 19–19 об.).

¹¹ Еще до отправления Северной экспедиции, в мае 1938 г. с приглашением участвовать в этом издании к Долгих обращался директор Института этнографии акад. В.В. Струве (КККМ 1850, 1, 607: 7). Кстати, в свет это издание не вышло.

¹² Красноярский художник Лекаренко и Долгих подружились еще со времен Приполярной переписи, когда оба работали регистраторами (Савоскул 2004: 140–141), и эта дружба, по воспоминаниям Татьяны Борисовны Долгоруковой – младшей дочери Бориса Осиповича, – прошла через всю жизнь отца.

¹³ С 1940 г. до конца войны директором музея был Илья Львович Нейтман, который одобрял научные начинания Бориса Осиповича и старался ему по возможности помогать – см., напр., его письмо Долгих от 25 августа 1940 г. – КККМ 1847, 1, 604: 11–11 об.

¹⁴ Речь идет о старшей дочери – Ольге.

¹⁵ По воспоминаниям младшей дочери Б.О. Долгих, деревянный двухэтажный дом, в котором они проживали, находился недалеко от железной дороги. В соседней комнате жили паровозный машинист с женой, с которыми супруги Долгих были дружны. Со своими красноярскими соседями они поддерживали отношения и после переезда в Москву. Красноярский адрес Долгих: сл. III Интернационал, ул. Гоголя, д. 10, кв. 2 (Решетов 2004: 75; КККМ 1904, 1, 661: 6).

¹⁶ Семья Бориса Осиповича оставалась в Красноярске до 1947 г. – в Москве им негде было жить. В отсутствие Б.О. Долгих в мае 1944 г. родилась младшая дочь, которую отец увидел уже годовалой. Кстати говоря, своих дочерей, по словам Татьяны Борисовны, он назвал в честь героинь горячо любимого им Пушкина.

Источники и литература

- Альмов 2007 – Альмов С.С. На пути к "древней истории народов СССР": малоизвестные страницы научной биографии С.П. Толстова // Этнограф. обозрение. 2007. № 5. С. 125–144.
- АМАЭ – Архив МАЭ РАН – в сносках на этот архив цифрами (через запятые) обозначены номера фонда, описи, единицы хранения и через двоеточие – листа.
- Андерсон 1998 – Андерсон Д.Дж. Тундровики. Экология и самосознание таймырских эвенков и долган. Новосибирск, 1998.
- Анисимов 1936 – Анисимов А.Ф. Родовое общество эвенков (тунгусов). Л., 1936.
- Баташев 2004 – Баташев М.С. Записи нганасанского фольклора в фонде Долгих // Этносы Сибири: Прошлое. Настоящее. Будущее. Ч. 1. Красноярск, 2004.
- Вайнштейн 1999 – Вайнштейн С.И. Судьба Бориса Осиповича Долгих – человека, гражданина, ученого // Репрессированные этнографы. Вып. I. М., 1999.
- ГАКК – Гос. архив Красноярского края – в сносках на этот архив цифрами (через запятые) обозначены номера фонда, описи, единицы хранения и через двоеточие – листа.
- Долганский фольклор – Долганский фольклор / Вступ. ст., тексты, пер. А.А. Попова. М.; Л., 1937.
- Долгих 1929 – Долгих Б.О. Население полуострова Таймыр и прилегающего к нему района // Северная Азия. 1929. № 2.
- Долгих 1933 – Долгих Б.О. В ледяных оковах Севера // Будущая Сибирь. 1933. № 1.
- Долгих 1938 – Долгих Б.О. Легенды и сказки нганасанов. Красноярск. 1938.
- Долгих 1939 – Долгих Б.О. Песни нганасанов // Красноярский альманах. 1939.
- Долгих 1943 – Долгих Б.О. Новые данные о плавании русских северным морским путем в XVII в. // Проблемы Арктики. 1943. № 2.
- Долгих 1948 – Долгих Б.О. Новые данные о плавании русских северным морским путем в XVII в. // Окладников А.П. Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра. М.; Л., 1948. С. 117–157.
- Долгих 1951 – Долгих Б.О. Этнографические материалы // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Л.; М., 1951.
- Долгих 1952 – Долгих Б.О. Происхождение нганасан // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. XVIII. М., 1952.
- Долгих 1963 – Долгих Б.О. Происхождение долган // Сибирский этнограф. сб. М., 1963.
- Долгих 1976 – Долгих Б.О. Введение // Мифологические сказки и исторические предания нганасан. М., 1976.
- Исторический памятник – Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Л.; М., 1951.

- КККМ – Красноярский краевой краеведческий музей, научный архив. В сносах на этот архив цифрами (через запятые) обозначены порядковый номер дела, затем номера описи, единицы хранения и через двоеточие – листа.
- Ксенофонтов 1937* – *Ксенофонтов Г.В.* Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Иркутск, 1937.
- Никульшин 1939* – *Никульшин Н.П.* Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков. Л., 1939.
- Орехова 2004* – *Орехова Н.А.* Письма Б.О. Долгих И.М. Суслову (из неопубликованных материалов КККМ) // *Этносы Сибири...*
- Отчет – Б. Долгих. Предварительный отчет этнографа Северной экспедиции Красноярского краевого музея 1938–39 гг. КККМ 1843, 1, 600: 1–12.
- Попов 1931* – *Попов А.А.* Поездка к долганам // *Сов. этнография* (далее – СЭ). 1931. Вып. 3–4.
- Попов 1934* – *Попов А.А.* Материалы по родовому строю долган // СЭ. 1934. № 6.
- Попов 1940* – *Попов А.А.* Из отчета о командировке к нганасанам от Института этнографии Академии Наук СССР // СЭ. 1940. № III.
- ПФАРАН – С.-Петербургский филиал архива РАН.
- Рапопорт, Семенов 2004* – *Рапопорт Ю.А., Семенов Ю.И.* Сергей Павлович Толстов: выдающийся этнограф, археолог, организатор науки // *Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века.* М., 2004.
- Решетов 2004* – *Решетов А.М.* Борис Осипович Долгих и ленинградские сибиреведы (к постановке вопроса) // *Этносы Сибири...*
- Савоскул 2004* – *Савоскул С.С.* Впервые на Севере: Б.О. Долгих – регистратор Приполярной переписи // ЭО. 2004. № 4.
- Сб. материалов – Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору / Сост. Г.М. Василевич. Л., 1936.
- ФД – Архив ИЭА РАН. Фонд 67 (Б.О. Долгих) – при сноске на этот фонд цифрой обозначен номер папки.
- Этносы 2004 – *Этносы Сибири: Прошлое. Настоящее. Будущее: Матер. междунар. науч.-практ. конф.* В 2-х ч. Красноярск, 2004.

S.S. S a v o s k u l. Krasnoirsk Museum Ethnographer B.O. Dolgikh in 1937–1944

The author, who has done extensive research on the life and career of prominent Russian/Soviet ethnographer B.O. Dolgikh, continues the exploration of his work through the historical context surrounding his peculiar path as a scholar. The article focuses on the period of Dolgikh's association with the Krasnoirsk Museum, which for the first time rendered him the status of professional ethnographer. Even though Dolgikh published only three works during the seven years of his association with the museum, the unique field data he collected over the period, as the author argues, laid the groundwork for his subsequent bright ethnographic career in Moscow.